

С. Н. Касаткин¹ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ:
ЭФФЕКТЫ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Существенные изменения в мире в последние десятилетия, обозначаемые понятием «глобализация»³, затрагивают различные сферы общественной жизни, требуя реформы прежних категорий и доктрин, в том числе создания новых подходов в политико-правовой науке и юридическом образовании. Данный доклад посвящен исследованию соответствующих эффектов и вызовов, включает прояснение смыслов глобализации, фиксацию ее ключевых влияний на современное государство и право, а также обсуждение ее теоретико-методологических следствий.

Смыслы глобализации. Обобщая (вслед за Р. Майклом) различные трактовки глобализации, ее можно представить как реальность (эмпирический факт), теорию и идеологию⁴.

В качестве *эмпирики* глобализация означает различные изменения общемирового характера: рост в мировой торговле и рынках (возможный благодаря либерализации торговли), глобальная коммуникация (в том числе Интернет), глобальный туризм и миграция, глобальные сети, глобальные разрушения окружающей природной среды и изменения климата, растущая вестернизация и гибридизация культур, усиление взаимозависимости государств, интернационализация права и т. п.

Целостно глобализацию можно охарактеризовать с помощью четырех параметров⁵. Первые три касаются экстенсивности, интенсивности и скорости глобальных взаимодействий: их протяженность через границы и расстояния, их масштабность и скорость. Четвертый параметр — их влияние: сцепка или взаимное конституирование глобальных и локальных проблем, при которой местные события могут иметь общемировые последствия, а мировые события материализу-

ются на местном уровне, то есть возникает так называемая глокализация (Б. де Соуза Сантос⁶). С этих позиций глобализация присуща и другим историческим эпохам, будучи лишь более интенсивной в конце XX — начале XXI века⁷.

Глобализация как *теория* представляет собой сдвиг от «методологического национализма», то есть концепций, центрирующих/объективирующих национальные государства как ключевой элемент общества модерна, и методологическую рамку для их изучения⁸. В правовой теории такие концепции связаны с вестфальской моделью, трактующей государство как предельную точку референции национального, международного и даже негосударственного права. Теории глобализации отрицают такой «государственнический» подход. К таковым, в частности, относят теории мировой конвергенции (сближения правовых систем), анализ мировой системы (с гегемонией отдельных государств в глобальном развитии права), постколониализм (утверждающий неравенство сил и разницу в восприятии права на мировом Севере и Юге), концепции «права и развития» (анализ правовых реформ в развивающихся странах под влиянием развитых стран)⁹.

В качестве *идеологии* глобализация (как и антиглобализм) — это политический проект или идеал миропорядка. Примером является идеология космополитизма, или «глобальной деревни» (единого, гомогенизированного мира, основанного на общечеловеческих ценностях и всемирном гражданстве), или идеология неолиберализации (эмансипации рынков от государственного регулирования, создания нового *lex mercatoria*, роста индивидуальной свободы и пр.)¹⁰.

Государство и право в контексте глобализации. Указанные смыслы глобализации так или иначе связаны с государством и государственно-центрированным правом. Разберем (также следуя обзору Р. Майккла) соответствующие эффекты и вызовы глобализации на примере ключевых черт государства и права.

Во-первых, глобализация проблематизирует *территориальность* государства и права. Традиционно суверенная власть и законы государства распространяются именно на его территорию. Территориальная целостность и соответствующие прерогативы государства признаются в качестве принципа международного публичного права, а коллизии правопорядков в международном частном праве разрешаются через привязки к праву и юрисдикции отдельных государств. В противовес этому глобализация снижает эффект географических расстояний (через доступность путешествий,

⁶ См.: *Sousa Santos B. de. Toward a New Common Sense. 2nd ed. Cambridge, 2002. P. 179–180.*

⁷ См.: *Michaels R. Op. cit. P. 3–4.*

⁸ См.: *Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences // Global Networks. 2002. № 2. P. 301.*

⁹ См.: *Michaels R. Op. cit. P. 5–6.*

¹⁰ См.: *Ibid. P. 6–7.*

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Теория права в контексте культурного многообразия: проблемы универсальности», «Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики», «Проблема судейского усмотрения в полемике Харта и Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора», «Проблема определения в юриспруденции и концептуальный статус международного права: учение Герберта Харта», «Как определять социальные понятия? Аскриптивизм и отменяемость юридического языка в концепции Герберта Харта», «“Open Texture” in Law and Philosophy: Hart and Weismann», «Действие и ответственность в перспективе аналитической философии права» и др.

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16-03-00804).

³ См., например: *Бек У. Общество риска. М., 2000*; *Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004*; *Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008*. См. также: Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб., 2015.

⁴ См.: *Michaels R. Globalization and Law: Law Beyond the State // Michaels R. Law and Society Theory. Oxford, 2013. P. 1–7.*

⁵ См.: *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. Stanford. P. 14–28.*

развитие коммуникаций, Интернета, глобальных производственных цепочек и пр.) и государственных границ (практически невозможно контролировать информационные потоки с помощью закрытия границ и цензуры). Отсюда: а) рост юридического значения нетерриториальных факторов (например, государственных интересов в новых доктринах суверенитета), оправдывающий экстерриториальное действие законов или принятие актов, прямо направленных на изменение политики других государств; б) усиление международного сотрудничества в регулировании трансграничной экономической и подобной деятельности, гармонизация соответствующих правил; в) изменение статуса государственных границ от физических барьеров к формальным критериям правоприменения. При этом территория сохраняет свою значимость, трансформируясь как политико-юридический конструкт¹ и расширяясь в новых аспектах (например, в киберпространстве).

Во-вторых, глобализация влияет на население государства, которое традиционно связывается с государствообразующей нацией и опосредовано институтом гражданства (конституирующим «узы верности» индивида по отношению к государству, а также важную часть правового статуса / «идентичности» лица). С одной стороны, следствием глобализации является усиление миграции и увеличение доли иностранцев в населении государств, что, в свою очередь, порождает: 1) либерализацию оснований получения гражданства; 2) признание института двойного и множественного гражданства; 3) предоставление конституционных прав иностранцам наравне с гражданами государства. Соответственно государственная лояльность и идентичность личности трансформируются из «вопроса судьбы» в «вопрос выбора». С другой стороны, вследствие глобализации возрастает роль негосударственных идентичностей лица, связанных с транснациональными (экономическими, политическими, религиозными и т. п.) субъектами и альянсами и признаваемых государством в свете начал мультикультурализма и правового плюрализма².

В-третьих, глобализация бросает вызов традиционной *организации власти*, ее суверенитету, монополии на правотворчество и принуждение. С одной стороны, это рост глобальной взаимозависимости государств, их включенности в трансграничные объединения с делегированием полномочий, гармонизацией права и прочим и, как следствие, «упадок» или «разделение» классического суверенитета. С другой стороны, это повышение роли негосударственных (религиозных, этнических, экономических) норм, которые учитываются государством через их трансформацию в нормы государственного права, через их включение как подсистемы государственного правопорядка либо через их при-

знание в качестве фактов, значимых для правоприменения³.

В-четвертых, следствием глобализации является всемирный правовой плюрализм, противостоящий традиционной вестфальской модели миропорядка и пониманию *права как единой системы*, восходящей к высшей норме (в духе Г. Кельзена или Г. Харта). Поднациональные, национальные (государственные), межгосударственные (международные) и негосударственные компоненты современного права, с одной стороны, тесно взаимосвязаны, с другой — пересекаются и конкурируют в различных сферах отношений. В рамках такого плюрализма размываются традиционные границы национального и международного, частного и публичного, государственного и негосударственного права⁴.

Глобализация и теория права. Рассмотренные эффекты и вызовы глобализации порождают целый ряд следствий для правовой науки и юридического образования.

Во-первых, подчеркнем: правовая теория должна сочетать достижение собственных целей и степень универсализма своих положений и объясняемых ситуаций. Отсюда формулирование «глобальной точки зрения» на государство и право имеет значение прежде всего для общей правовой теории (где учет глобальной проблематики — это вопрос ее «здоровья» и состоятельности⁵), но не для частных по целям и охвату юридических дисциплин. Кроме того, различные смыслы глобализации имеют неодинаковую ценность для правоведа: если «фактология» глобализации значима как подлежащая объяснению предметность, а соответствующие доктрины могут (при прочих равных) обогатить арсенал юриспруденции, то идеология (анти)глобализма вовсе не обязательно должна приниматься в качестве ценностного ядра теории права и государства. К тому же следует учитывать размытость «языка» глобализации: таких выражений, как «мировое правительство», «глобальное право», «упадок суверенитета» и пр.

Во-вторых, глобализационные процессы требуют серьезного переосмысления классической теории государства (прежде всего его трактовки как замкнутой сущности / «черного ящика»⁶), однако с рядом оговорок. Так, видится упрощенным традиционный тезис о влиянии глобализации на государство, который, по сути, гипостазировывает глобализацию как самостоятельный внешний фактор и игнорирует большую роль государства (и права) в общемировых изменениях. Заявления об «упадке суверенитета» также кажутся преувеличением: речь скорее должна идти о трансформации государств, их властных и юридических статусов.

³ См.: Michaels R. Op. cit. P. 12–14.

⁴ См.: Berman P. S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge, 2012; Richards S. Globalization as a Factor in General Jurisprudence // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2012. Vol. 41. P. 129; Twining W. Globalisation and Legal Theory. Cambridge, 2000. P. 82–88. См. также: Michaels R. Op. cit. P. 11–12.

⁵ См.: Твайнинг У. Общая теория права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 232 и др.

⁶ См.: Twining W. Op. cit. P. 252; Beck U. What is Globalization? Cambridge, 2000. P. 64.

¹ См.: Globalisation and Jurisdiction / ed. by P. J. Slot, M. Bultman. Dordrecht, 2004. P. 105; Beyond Territoriality: Transnational Authority in an Age of Globalization / ed. by G. Handl, J. Zekoll, P. Zumbansen. Leiden; Boston, 2012.

² См.: Michaels R. Op. cit. P. 11–12. См. также: Kofman E. Citizenship, Migration and the Reassertion of National Citizenship // Citizenship Studies. 2006. № 9. P. 453; Falk R. The Decline of Citizenship in an Era of Globalization // Citizenship Studies. 2000. № 1. P. 4.

Более того, развитие глобальной взаимозависимости обществ, экономических, технологических и прочих ресурсов создает новое мировое пространство и новые факторы дифференциации государств, в том числе обеспечивающие расширение их суверенитета — возможностей «внутреннего» и «внешнего» / глобального контроля¹. Наконец, идеологически провозглашаемый отказ от суверенитета государства ставит под вопрос традиционные механизмы демократии и защиты прав личности, завязанные на государстве, без предоставления надежных альтернатив.

В-третьих, выстраивание «глобальной перспективы» требует новых концептуализаций права, прежде всего переосмысления необходимой связи права и государства, разграничения внутригосударственно-

го и международного, государственного и негосударственного права, а также западного и незападного правопонимания. При этом нуждается в изменении сама методология определения понятия права, когда (как в учениях Г. Харта, Дж. Ролза, Дж. Раза и других, не говоря уже об отечественной юриспруденции) именно государственное право мыслится как «центральный случай» права, создающий основу для истолкования иных (претендующих на этот статус) нормативных систем. Ключевой проблемой здесь остаются исходные критерии определения права: необходимость, с одной стороны, учесть разнообразие и пересечение нормативных порядков в современном мире, а с другой — сохранить четкость в объяснении права, дифференциации соответствующих регулятивных систем².

¹ См.: *Michaels R.* Op. cit. P. 8.

² См.: *Твайнинг У.* Указ. соч. С. 256 и др.